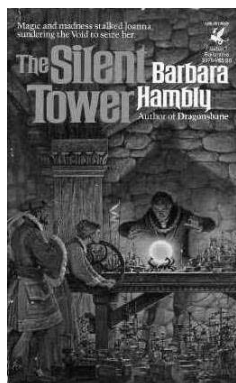

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ * СОКРОВИЩНИЦА НАУЧНО-ФАНАТАСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Барбара Хэмбли

Хроники Виндроуза

Barbara Hambly. The Silent Tower. 1986
Перевод - А. Сумин, О. Колесников, 1997

Barbara Hambly. The Silicon Mage. 1988
Перевод - А. Сумин, О. Колесников, 1997

Barbara Hambly. Dog Wizard. 1993
Перевод - Д. Арсеньев, 2010

Издательство ООО «Международный центр фантастики»
111250, г. Москва, ул. Красноказарменная, д.9, подъезд 9
тел./факс (495) 918-10-87

Лицензия ИД № 00068 от 6 сентября 1999 г.

Подписано в печать 01.12.2010. Формат 60x90 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 50. Тираж 120 экз. Зак. № .

Хэмбли, Барбара.

Хроники Виндроуза. — М.: Международный центр фантастики, 2010. — 832 с.

Не предназначено для продажи.

БАШНЯ ТИШИНЫ

Глава 1

— Архимаг возвратился?

Услышав этот вопрос Кериса, чародей Тирле вскинулся, как заяц при виде хищника. Но первое удивление прошло, и он спокойно ответил:

— Пока что нет.

Тирле подобрал лопатку, оброненную им в тот момент, когда над ним неожиданно нависла тень Кериса, оторвав от возни, стоя на коленях, с этим немудреным инструментом возле кирпичного порога дома. С трудом поднявшись на ноги, чародей отряхнул пыль со своего черного камзола.

— Послушай, а может быть, я чем-то смогу тебе помочь? — спросил он.

Керис задумался, похлопывая правой кистью по рукояти меча. Он бросил быстрый взгляд на вход в следующий дом, явно обдумывая какую-то мысль. Как и все дома на Волшебном Подворье, дом этот был выстроен по единому для них образцу — продолговатая форма, крутая крыша. Сходство усиливала еще и наложенная временем печать, а также копоть на высоких печных трубах. На ступеньках дома, поглядывая на Кериса, выжидательно стояли еще несколько его соратников. Как и подобает воинам из одного отряда, они были одеты в одинаковые черные кафтаны свободного покроя, опоясанные перевязями для ношения оружия. Все воины успели сегодня порядочно устать после сидения у Оружейника. Керис выразительно покачал головой, и его товарищи прошли в помещение.

— Даже не знаю, — он снова повернулся к Тирле, одновременно подмечая мельчайшие детали его поведения — капельки пота на лбу, дрожащие пальцы. Воин задумался: что это вдруг так встревожило чародея? — И вот так... — сказал Керис, красноречиво размахивая руками.

Выражение животного ужаса исчезло из заплывших жиром глаз кудесника, уступая место обычному беспокойству.

— Так что ты хочешь мне сказать, парень? — поинтересовался Тирле.

На этот раз Керису захотелось просто невыразительно пожать плечами, отодвинув решение проблемы в неопределенное будущее. Именно так он поступил сегодня ночью. Ему захотелось заниматься тем единственным делом, которым он должен был заниматься, как воин мага, — охранять своего господина и непрестанно совершенствовать боевое искусство.

— Даже не знаю, стоит ли задавать этот вопрос, — начал Керис с сомнением в голосе, — конечно, я понимаю, что воину не пристало спрашивать о таких вещах. Ведь меч никогда не задает вопроса направляющей его руке. Но...

Тирле только улыбнулся и покачал головой.

— Мой дорогой Керис, — сказал Чародей, — послушай, откуда нам знать, что чувствует в той или иной ситуации кинжал? Что думает меч, оставшись со своими собратьями в арсенальной палате, где погашен свет и тихо, как в могиле? Ты знаешь, что я никогда не одобрял наемничество... Как не одобряю те машины, которые нынче сами прядут и ткут. Они делают работу, даже не понимая, для чего это нужно.

Станным образом эти слова подействовали на воина успокаивающе.

Вообще-то из дюжины домов, обступивших мощеную булыжником площадь квартала Староверов, лишь восемь принадлежали Совету Кудесников. Три дома снимали все те же староверы, которым непременно хотелось жить возле Кудесников. А из магов мало кто желал жить в городе Ангельской Руки. Но даже из тех немногих Тирле был единственным, кто вызывал у Кериса симпатию.

Архимаг, дедушка Кериса, не показывался с самого утра, с тех пор, как Керис закончил занятия по фехтованию. Если он к обеду не вернется, то вряд ли у Кериса будет возможность поговорить с ним до завтрашнего дня.

Конечно, воину бояться не положено, но Керис не был уверен, что не проведет бессонную ночь, объятый беспокойством. Переживания обязательно скажутся на его состоянии на следующий день.

Последние пять лет прошли в неустанных тренировках и уроках, закалялись и мускулы, и нервы — и потому Керис не знал, какими словами нужно выражать страх, — на упражнения в ораторском искусстве просто не было времени. Парень беспокойно запустил пятерню в густую шапку коротко подстриженных светлых волос.

— Даже не знаю, стоит ли говорить об этом, — произнес он с сомнением, — просто все так... Но я ведь не оружие... — Пожав плечами, он все-таки решился: — А может быть так, чтобы маг вдруг лишился своей силы или умения?

Честное слово, воин не ожидал, что Тирле вдруг придет в ярость. Казалось, гнев так и брызжет с его лица.

— Нет! — закричал старик пронзительно. — Это силы врожденные. У кого-то их больше, у кого-то меньше. Как бы тебе сказать... Волшебство — это часть нас, как душа.

Удивляясь этой неожиданной ярости, Керис тем не менее пробормотал:

— Но даже...

— Замолчи! — лицо Тирле вовсе побагровело. — Конечно, у некоторых волшебства бывает совсем немного, но оно не может убить само собой. Да и откуда тебе знать о волшебстве. Тебе вообще нельзя говорить об этом. Нельзя! Запрещено! — чуть не зарычал чародей, заметив, что Керис вновь пытается что-то возразить.

От воина-наемника требуется одно — служить и служить. В сущности, наемником в полном смысле этого слова Кериса нельзя было назвать. Скорее, послушником. За три года участия в кровавых схватках, видя смерть товарищей, убитых коварным врагом в мирное время, Керис научился держать язык за зубами. Он принял важнейшее решение в своей жизни — дал клятву верности Совету Кудесников. До сих пор он держал свое слово. Воин педантично следовал своему правилу — рассуждения не следует высказывать. Лучшее им место — в голове.

Тирле все еще трясущимися руками подобрал садовую лопатку и лейку, после чего направился в дом. Чародей с силой хлопнул за собой дверь. Продолжая стоять на кирпичных ступеньках, Керис механически отметил, что старик пришел в такую ярость, что забыл полить любимые растения, которые росли у порога и в ящиках, пристроенных на подоконниках со стороны улицы. Где-то на другом конце города, на главной башне замка Сен-Сир, часы торжественно отбили пять ударов. Итак, у Кериса остается меньше часа, чтобы пообедать перед тем, как идти на дежурство в трапезную, где ели маги.

Керис задумчиво стал спускаться по ступенькам. Он чувствовал глубочайшее изумление и даже шок — очевидно, такое чувство испытывает человек, когда его кусает старая и верная собака, причем без всякой на то причины. Впрочем, воину, как известно, не подобает терять бдительность ни в какой ситуации. Даже если ты гладишь ту же старую и любимую собаку, в другой руке всегда нужно держать остро оточенный нож. Молодой человек направился к двери, во вторую половину дома, которую занимали воины-телохранители и послушники магов. Он чувствовал, что беспокойство все еще не оставило его.

В последний раз сам Керис думал о себе как о рожденном с волшебным даром с год назад, не меньше. Ему было девятнадцать лет, и пять из них Керис посвятил служению Волшебству. Он уже пять лет служил этой силе, но, как и большинство посвященных, знал, что все равно стоит лишь на пороге Великого и Сокровенного знания.

Он знал, что талантов у него не столь уж много — они не шли дальше умения видеть в темноте и способности находить потерянное. В детстве он отчаянно хотел стать магом и принести клятву верности Совету Кудесников, чтобы служить ему и всегда

находиться рядом со своим дедушкой, который уже тогда стал архимагом. Начав изучать военное дело, он понял, что его способностей недостаточно для того, чтобы стать настоящим чародеем, и потому решил остаться воином. А потом поклялся в верности Совету Кудесников.

Почему же Тирле отказался отвечать на вопрос, подумал Керис. Потому что он полагал, что отсутствие волшебства не дает ему возможности понять что-то еще?

Да, возможно, поэтому Тирле и не дал ответа. Но этим не объяснишь, почему старика вдруг обуяли страх и ярость.

Тирле почему-то отсутствовал и на обеде — ведь все чародеи едят много, а уж Тирле вообще был известным чревоугодником. Тем более что на обеде подавали как раз любимые блюда старика.

На обеде присутствовали семь чародеев и две новообращенных, которым и прислуживали послушники. Вообще, эти послушники-воины всегда заботились о волшебниках — некоторые разносили кушанья во время приема пищи, другие охраняли трапезную, а уж во дворе и на площади всегда стоял кто-то из воинов. В это время другие послушники спали, готовясь к ночному бдению. Маги не зря держали такую охрану — в бедных кварталах города Ангельской Руки было полным-полно всякого жулья, которому было совершенно безразлично, кого грабить — торговца или чародея.

Беспокойство Кериса усилилось, когда он увидел, что архимаг все еще не вернулся. Керис заметил, что постоянное место архимага за столом было занято госпожой Розамундой — красивой женщиной лет сорока, о которой было известно, что она урожденная Розамунда Кентакр. Ее отец, герцог Морской, отрекся от дочери, когда узнал, что она принесла клятву верности Совету Кудесников. Впрочем, если верить дошедшим до Кериса слухам, отреклись от Розамунды потому, что данный ею обет ставил на первое место интересы Совета Кудесников и запрещал девушке использовать свою силу для того, чтобы помогать своей семье в ее амбициях. Несомненно, Герцог все это знал — тогда его дочери было что-то около двадцати лет. Уже до этого Розамунда кое-что знала — она наверняка научилась кое-каким заклятиям у бродячих волхвов и чародеев, которыми изобиловала Империя. Но этих заклятий все равно было недостаточно — чтобы обрести знание настоящего волшебства, нужно было прежде всего учиться при Совете Кудесников. А научиться можно было только в том случае, если принесешь клятву на верность, в которой помимо всего прочего черным по белому написано, что ты обязуешься не использовать полученных знаний во вред кому бы то ни было.

— Ему не следовало выходить одному, без охраны, — говорила собеседникам Розамунда, когда Керис уносил поднос с грязной посудой.

Сидевший рядом с женщиной худощавый Уитвел Сим энергично возражал:

— Но регент ни за что не осмелился бы...

— Неужели? — в глазах женщины заблестели стальные искорки. — Принц-регент ненавидит рожденных с волшебством, то есть и нас тоже. Как-то мне рассказывали, что после бала принц садился в карету, и тут, на свою беду, дорогу ему перешла одна из старых колдуний. Он весь затрясся от злости и чуть не забил старуху. Весь Летний дворец говорит об этом до сих пор. Нет, он точно сумасшедший, как и его любимый папочка.

— Но вот различие между ними заключается в том, — вмешался дотоле молчавший Иссей Бел-Кейр с другого конца стола, — что его отец для нас менее опасен.

Сбоку от него сидели две новообращенных девочки-ученицы — одна рыженькая, лет семнадцати, а вторая чуть постарше, с иссиня-черными волосами. Они ничего не говорили, но слушали с молчаливой жадностью. Они знали, что это всего-навсего обычные сплетни, но кто знает, вдруг в будущем это как-то повлияет на ход их жизни? Рядом с ними мешком восседала на стуле старая тетюшка Мин — самая старая из волшебников квартала. Она было задремала, но Керис с улыбкой коснулся ее руки, и старуха, что-то забормотав, снова принялась за вязание. Спицы так и мелькали в ее руках, похожих на когтистые птичьи лапы.

Тут снова подал голос Уитвел Сим:

— Но даже если принц и полагает, что наше волшебство — самое обычное шарлатанство, как он, несомненно, подумал о той старухе, он все равно не отважится разозлить архимага. Этого не допустит ни Совет, ни Церковь. А мы и не знаем, что Солтерис ушел во дворец...

— Если солдаты регента повсюду в городе, — холодно заметила Розамунда, — то уже не столь важно, кто куда ушел. Нет, принц Фарос, несомненно, просто сумасшедший. Его вообще давно нужно было отстранить от власти, отдав ее кому-то из двоюродных братьев или сестер.

— Как сурово, — рассмеялся Иссей, — но вот только хочешь ли ты, чтобы Империей правили всякие простофили вроде Магистра Магуса, а то еще похлеще — какая-нибудь старая колдунья?

Красивые губы женщины непроизвольно дрогнули при упоминании одного только имени самого известного в городе шарлатана. Но Розамунда сумела сдержать свой порыв, обратившись к тарелке с уже остывшей пищей. Не найдя нужных аргументов, она просто предпочла помолчать — ведь молчание иногда тоже очень хороший козырь.

Керис, нося на кухню грязную посуду, думал о предстоящей тренировке по фехтованию. Затем его мысли снова сползли на деда — он думал о том, какое отношение имеет к архимагу все ска-

занное за столом. Не потому, что Керис не верил в способность регента учинить что-нибудь недостойное — как раз на гадости тот был горазд — просто молодой человек не мог поверить, что кто-то способен причинить вред его деду.

С детства Керис знал своего второго деда, Солтериса Солариса, как очень загадочную личность. Дед изредка — зимой чаще, а летом всего раза два — захаживал на хутор его матери, находившийся возле Пшеничной деревни. Тогда волосы Солтериса были темными, как сейчас волосы матери Кериса, но сам Керис уродился светловолосым, в отца. Иногда казалось, что от отца Керис унаследовал еще что-то, не только цвет волос. Когда Керис давал торжественную клятву в присутствии всего Совета Кудесников, он обещал защищать архимага всеми силами — а у него было куда больше физической силы, нежели волшебной.

Вообще же Керис старался думать о том, что касалось его напрямую, — о постоянном совершенствовании воинского искусства. И уж на этих тренировках он выкладывался как подобает, нанося удары деревянным мечом под неусыпным оком наставника. Обычно занятия происходили в самом нижнем этаже дома, в полуподвале, куда под вечер сквозь стрельчатые окна падал солнечный свет угасающего дня. Несмотря на пять лет непрерывных упражнений, каждый вечер после занятий Кериса свербела одна и та же мысль: все, так больше невозможно. Все эти «вперед-назад», «коли-руби» и «раз-два» надоели ему до черта, тем более что умение настоящего воина к нему упорно не желало приходить. Но зато во время тренировок в голове не оставалось никаких мыслей — так учил наставник. Он говорил, что думать нужно только этими «вперед-назад» — «коли-руби», вспоминая уроки фехтования, полученные когда-то, иначе в бою, стоит только отвлечься, враг сразу одолеет тебя. И на разные другие беспокойные размышления времени не оставалось, что тоже было неплохо.

К десяти часам вечера темнело, но гулять Керису после занятий совершенно не хотелось — тренировки выматывали последние силы. Поплескавшись над лоханью с теплой водой, он как подкошенный падал в постель и засыпал крепким сном. Но теперь он задумался над тем, что же все-таки произошло. Он спросил про деда, причем вопрос казался самым что ни на есть невинным. Но реакция на него оказалась совершенно непредсказуемой. Неужели волшебство архимага и в самом деле пропало?

Уже давно Керис перестал верить в то, что он сам обладает хоть какими-то зачатками волшебства. Но теперь, уставив глаза в непроницаемую тьму, он понимал, как много за эти годы стало значить для него волшебство. Без волшебства, без размышлений о нем душа становилась как бы пустой, выхолощенной, если не сказать хуже. Все равно как если бы глаза стали видеть окружающий мир в черно-белом свете.

Иногда до него доносились обрывки разговоров, которые волшебники шепотом вели между собой о том, от чего именно зависит волшебная сила человека. Судя по этим разговорам, волшебство сохранялось благодаря либо врожденной способности, либо каким-нибудь амулетам и скарабеем, сделанным из чего угодно — от глины до драгоценных камней, какие носили только очень богатые люди или знатные особы. Волшебство можно было вызвать специальными заклинаниями, заклинаниями можно было и уничтожить или уменьшить чей-то волшебный дар. Но это все не то. Керис представлял свою душу как глиняную форму для отливки, из которой уже вытопили воск, но бронзу или золото не залили. Так и влачит она пустое существование. И в такую пустоту обычно набивается обычная пыль.

Молодой человек заплакал бы, но воинская клятва не давала ему на это право.

Нет, заснуть положительно невозможно. Воин оделся и, стараясь поскорее выбраться из душной тьмы спальни, стал спускаться вниз по лестнице. Все та же назойливая воинская клятва нашептывала ему, что он должен еще и обуться, а также не забыть свое верное оружие. Но то, что парень неожиданно открыл для себя пустоту своей души, занимало его больше всего. Потому что хотя бы сейчас воинской клятвой можно было пренебречь. Свежий воздух улицы сразу прояснил голову. Из-под крыш домов по другую сторону площади доносилось воркование голубей, обсуждавших свои птичьи дела. Да, у всех проблемы. И тут ночную тишину разорвало кукареканье какого-то непутевого петуха, явно спутавшего время суток.

Итак, Тирле сказал, что такого не может быть. Почему? Не может быть, потому что попросту не может быть? Но это чепуха. Однако прошлой ночью сам Керис, проснувшись, почувствовал сквозь биение своего сердца, что из него вытекает то небольшое волшебство, которое еще осталось в его душе. И тогда его пронзил холодный ужас. Это было что-то, что не должно было и не могло случиться, как сказал Тирле... И теперь его душа была полностью лишена волшебства.

Керис прислонился к покрытому затейливой резьбой дверному наличнику, ощущая в душе эту странную пустоту. Странно, но это было даже не огорчение, а какое-то неопределенное чувство — именно пустота. Тут взгляд молодого человека упал на высокие узкие окна дедова дома, и он подумал, вернулся старик или нет. Света в окнах не было, но это еще не означало, что он спит, — архимаг часто сидел в своем кресле и читал, не зажигая света. На то он и был архимагом, чтобы быть способным на такие дела. Возможно, он знал и умел нечто такое, о чем старый Тирле и понятия не имел.

Но что теперь говорить об этом. Что прошло, того уже не вернуть. Это как человеческая невинность, которая не возвращается.

ся, как ни старайся. С запада доносился какой-то неясный шум. Впрочем, это было нетрудно объяснить — кварталы западной части города Ангельской Руки были очень густо населены, а возле замка-цитадели Сен-Сир располагались различные увеселительные заведения, причем жизнь в некоторых из них не прекращала бить ключом даже глубокой ночью. Затем откуда-то донесся стук колес кареты по брусчатке улицы, кто-то закричал. Наверное, пьяный... Вот она, беспокойная городская жизнь.

Даже не думая о том, что он делает, Керис медленно стал спускаться по ступенькам. Его рука нащупала в кармане кошелек. Куда это он собрался? И тут Керис понял — ноги сами несут его в таверну «Стоящий конь», где он сегодня наверняка напьется до потери сознания.

Напиться? Парень остановился, ошеломленный, чувствуя отращение к себе. Вообще-то воинская клятва не ограничивала пьянство, но когда товарищи Кериса отправлялись в таверны и ему приходилось составлять им компанию, то он хоть и пил, но всегда при этом оставался трезвым, вливая в себя ровно столько огненной воды, сколько позволяло ему держаться на ногах и контролировать свой рассудок. Ведь клятва война требовала, чтобы он всегда готов был вступить в бой, а Керис сомневался, что пьяный сможет достойно сражаться.

Но теперь все это казалось уже не столь важным. Он чувствовал, что ему нужно не вино, а то забытье, которое вино приносит. Чтобы как-то вытеснить из души пустоту, хотя Керис знал, что все равно ничего хорошего из этого не получится. Но, помедлив немного и вздохнув, Керис продолжил спуск, хотя не был даже обут и вооружен.

Едва только его ноги ступили на шершавый булыжник мостовой, как до него донесся отчаянный крик Тирле:

— Нет!

Пять лет непрерывных тренировок вселили в Кериса уже ставшее инстинктом умение при крике об опасности бросаться и искать убежища, чтобы оттуда оказать сопротивление возможному врагу. Но теперь он стоял, словно застывший или парализованный, видимый в мутном лунном свете. А в это время округлая тень жирного волшебника выползала из ближнего переулочка, который за свои характерные приметы прозывался Зловонным. Он видел охваченное каким-то безумием лицо Тирле, который вдруг неловко кинулся бежать через площадь, махая руками, как птица с подбитыми крыльями, чтобы сохранить равновесие.

Вдруг из темноты на той стороне площади сухо ударил пистолетный выстрел.

Пуля нашла свою цель — Тирле, остановившись, вдруг содрогнулся, словно переломившись пополам, а затем, разметав руки, свалился на мостовую. Из темноты на той стороне площади

выскочила темная фигура и понеслась мимо лежащего неподвижно Тирле к началу Зловонного переулка. Все это Керис наблюдал неподвижно, чувствуя, что его охватывает безразличие. Он знал также, что Тирле умер, но еще больше ему было жаль утерянного волшебного дара. Сейчас ничто окружающее его как бы совершенно не касалось. Впрочем где-то, в глубине души гнезвился ужас, потрясение, но только от того, что произошло с ним самим.

Вдруг в приступе внезапного гнева парень сорвался с места и бросился бежать, вознамерившись поймать темную фигуру. Он успел сделать два шага, и, наколов ногу обо что-то острое, вспомнил, что на нем нет ни обуви, ни оружия. Проклиная свою сегодняшнюю тупость, Керис бросился в тень, которую отбрасывал на площадь дом послушников. И тут снова раздался пистолетный выстрел.

Из угла дома полетела кирпичная крошка, один маленький кусочек больно чиркнул по щеке воина. Керис знал, что теперь неизвестному стрелку нужно было перезарядить пистолет, за это время можно попробовать рвануться и одолеть неизвестного стрелка. Но паника и какой-то неведомый прежде страх сковали его намертво. Керис слышал стук башмаков незнакомца о мостовую и старался сдвинуться с места, чтобы броситься в погоню. Но ноги упорно не желали слушаться хозяина. Впрочем, это ничего не значило: душа его оставалась по-прежнему спокойной и пустой. Но зато теперь можно вернуться в кровать и наверняка заснуть, а тело Тирле все равно до утра никуда отсюда не денется. Разозлившись на самого себя, Керис усилием воли бросился навстречу опасности. За пять лет, несмотря на болезни и случайные травмы, он все-таки сумел кое-чему научиться, но сейчас ему было удивительно трудно бежать. В чем дело? Где-то в глубине души парня шевельнулось подозрение, что здесь наверняка не обошлось без какого-нибудь заклятия или чего-то в этом роде, но он и понятия не имел о том, что такие заклятия тоже существуют.

Бег его снова стал замедляться. Тем временем преследуемый окончательно скрылся в непроницаемой тьме Зловонного переулка. Керис упорно продвигался вперед вдоль стены, прячась в темноте. Ему нужно было во что бы то ни стало добраться до угла дома. Он был готов в любой момент пригнуться, если вдруг рука с пистолетом появится из-за угла. Кстати, прогремевшие почти друг за другом два выстрела навели Кериса на мысль, что у стрелявшего наверняка два пистолета — сейчас, правда, незаряженные — а уж третий у него вряд ли есть. Через тонкую полотняную рубашку воин чувствовал шершавый камень стены. Странное дело — Керис страшно устал, как будто пробежал несколько миль.

Наконец он дошел до угла и осторожно заглянул за него. Но там он ничего не увидел: ни стен, ни неба, ни света. Кругом тьма, черная пустота, в которой, кажется, останавливается даже время. Только где-то возле его ног начиналась более-менее освещенная

мостовая. Бледный лунный свет особенно рельефно выделял некоторые камни.

Керис почувствовал, что ужас петель затягивает ему горло. Такого страха, он помнил точно, он не испытывал с детства, когда однажды ночью прошел по двору родительского дома и увидел горящие ядовитой злобой, устремленные на него глаза крыс. Вдруг налетел легкий ветер, принялся трепать его рубашку. Керис прижался головой к холодному камню стены, надеясь, что хоть это как-то приведет его в чувство. Нет, здесь, несомненно, была опасность, но воин почувствовал, что выученные им досконально тактические приемы покинули его тело, как волшебство — ум. Ему захотелось броситься наутек, но куда, где безопасно? Он не боялся смерти, но все же хотел знать, с какой стороны и в каком обличье она придет.

Вдруг и это чувство покинуло его. Подобно человеку, который во сне ощущает, как прохладный дождь пронизывает своими живительными нитями летнюю духоту, он почувствовал, что его медленно, но верно охватывает безнадежность, какая-то безысходность. И все оттого, что Керис не понимал, что с ним случилось. Продолжая стоять прислонившись лицом к стене, Керис вдруг почувствовал, что словно проснулся. На душе стало легче, ум прояснился. Окружающее больше не виделось в черно-белых тонах, глаза стали различать оттенки. И тут Кериса охватила непреодолимая злость на самого себя — как он только мог выйти из дома необутым и невооруженным.

У него даже ноги подкосились, едва он подумал, что могло бы с ним произойти. Собрав в кулак всю свою волю, парень снова двинулся вперед, одновременно стараясь углядеть ту самую руку с пистолетом.

Войдя в переулочек, Керис стал осторожно пробираться навстречу темноте.

Внизу, в заросшем мхом каменном желобе, журчала вода. Вдруг перед ногами парня заблестела лужа, такая обширная, что ее просто невозможно было перепрыгнуть. Но он готов был поклясться, что на той стороне лужи не было следов мокрых подошв.

Керис вернулся назад, к распростертому на холодной брусчатке телу Тирле. В ближайших домах вспыхивал свет, послышались встревоженные голоса. Парню бросилось в глаза, что на груди Тирле расплылось огромное темное пятно. Рот был открыт — жизнь не хотела покидать это тело, легкие жадно ловили воздух. Керис опустился на колени и приблизил лицо к голове Тирле. Старик чародей открыл глаза, мутным взглядом посмотрел на Кериса и прошептал:

— Антриг.

Это было его последним словом. Через секунду Тирле был мертв.